

Н. Долинина

Денщик Лаврушка и другие...

Наполеон уже перешел Неман и двигался по польским губерниям, а князь Андрей приехал в «главную квартиру армии» к Барклаю де Толли.

То, что он увидел и услышал там, поразило его не своей исключительностью, а, наоборот, обыденностью. «Все были недовольны общим ходом военных дел в русской армии; но об опасности нашествия в русские губернии никто и не думал, никто и не предполагал, чтобы война могла быть перенесена далее западных польских губерний».

Чем же были заняты люди, взявшие на себя ответственность за руководство армией? Что происходило в этом огромном, беспокойном, блестящем и гордом мире?

Там было девять разных группировок — Толстой с иронией описывает их: «теоретики войны», обсуждавшие бесконечные планы кампании; сторонники мира, боявшиеся Наполеона еще со времен Аустерлица; «делатели сделок» между разными направлениями; приверженцы Барклая и приверженцы Бенигсена, обожатели императора Александра — ирония Толстого понятна, если вспомнить, что «об опасности нашествия в русские губернии никто и не думал», — в штабе заняты спорами, разговорами, а вовсе не тем, что сейчас нужно стране.

Но одну группу — самую многочисленную — Толстой описывает не только с иронией; в каждом его слове — ненависть; «самая большая группа... состояла из людей... желающих только одного, и самого существенного: *наибольших для себя выгод и удовольствий...*»

Все люди этой партии *ловили рубли, кресты, чины* и в этом ловлении следили только за направлением флюгера царской милости... Какой бы ни поднимался вопрос, а уж *рой этих трутней*, не отрубив еще над прежней темой, перелетал на новую и своим *жуужжанием* заглушал и затемнял искренние, спорящие голоса».

Вот кто сделал Берга «помощником начальника штаба левого фланга»; вот кого Багратион в своем письме к Аракчееву назвал сволочами; вот против кого выступили, наконец, люди, утверждавшие, что «все дурное происходит преимущественно от присутствия государя с военным двором при армии...»

В конце концов царя уговорили уехать в Петербург, вместе с «трутнями». Перед отъездом он милостиво принял князя Болконского, и «князь Андрей навеки потерял себя в придворном мире, не попросив остаться при особе государя, а попросив позволения остаться в армии».

Князь Андрей «потерял себя» в придворном мире, но мир этот жив, и живет он по прежним законам — вся страна вздыблена, взметена, изменилась жизнь всех людей, кроме тех, кто окружает царя.

«Эта жизнь неизменна... — говорит Толстой, — ...салон Анны Павловны и салон Элен были точно такие же, какие они были один семь лет, другой пять лет тому назад».

Изменилось все; даже казавшиеся заколдованным спящим замком Лысье Горы покинуты хозяевами, разорены, через них прошла война. Но в Петербурге по-прежнему живут фантастической, выдуманной жизнью, и князь Василий сегодня ругает Кутузова последними словами, а завтра восторгается им, потому что царь вынужден под натиском общественного мнения назначить Кутузова главнокомандующим.

Мы помним, как описывал Толстой Наполеона, безжалостно подчеркивая толщину, короткие ноги, пухлую шею... Кутузова он тоже не щадит: старый главнокомандующий «еще потолстел, обрюзг и оплыл жиром», он, «тяжело расплываясь и раскачиваясь, сидел на своей бодрой лошадке»; в лице его и фигуре было «выражение усталости»... Но если

Наполеон всячески заботится о впечатлении, какое он производит на окружающих, то Кутузов — прежде всего естествен в каждом своем движении; это и любит в нем Толстой.

Кутузов устал от долгой и трудной жизни, ему тяжело носить свое расплывшееся тело — всего этого он и не думает скрывать. Как все старики, он боится смерти — он, умеющий быть невозмутимым под пулями, «испуганно-открытыми глазами посмотрел на князя Андрея», услышав о смерти своего друга, старого князя Болконского. Он естествен и здесь, он всегда остается самим собой.

Все, что говорит и делает Кутузов, он говорит и делает не так, как Наполеон и Александр I.

Весь роман Толстого построен на принципе контраста — резкого противопоставления. Контраст — в самом названии книги: «Война и мир». Контрастны войны: несправедливая, ненужная народу война 1805–1807 годов и Отечественная, народная 1812 года... Контрастны целые круги общества: дворяне и народ противопоставлены друг другу, но и в дворянской среде — контраст между честными людьми — Болконскими, Ростовыми, Пьером Безуховым — и «трутнями» — Курагиными, Друбецкими, Жерковым, Бергом.

Внутри каждого лагеря — свои контрасты: Болконские противопоставлены Ростовым; патриархальная семья Ростовых, — бездомному, несмотря на свое богатство, Пьеру. Контрастны женщины: Элен и Наташа, Наташа и Соня, княжна Марья и Соня, Наташа и княжна Марья...

Резко контрастны исторические деятели: Барклай и Кутузов, Наполеон и Александр I, Кутузов и Наполеон. И, может быть, самый резкий контраст в том, как рисует Толстой Кутузова и Александра I. Никакой прямой насмешки над царем Толстой не допускает. Наоборот, царь у него красив, обаятелен. Но уже в первой войне он становится жалок рядом с обрюзгшим и бессильным, но величественным и непокорным Кутузовым. А в войне Отечественной Кутузов затмевает царя именно своей естественностью — качеством, которое больше всего ценит в людях Толстой.

Да, он стар и немощен, он слушал доклады генералов «только оттого, что у него были уши, которые, несмотря на то что в одном из них был морской канат, не могли не слышать...» Но он побеждает царя «своею опытностью жизни» — и не случайно Толстой именно в главах, предшествующих Бородинскому сражению, заставляет Кутузова решать те же вопросы, которые уже решал на наших глазах царь.

Мы помним трагедию Денисова и попытку Ростова спасти своего друга, и ответ царя: «...потому не могу, что закон сильнее меня...» Денисов был обвинен в мародерстве на том основании, что силой взял провиант для своих солдат.

Теперь Кутузову представляют бумагу, требующую наказания армейских начальников за то, что солдаты скопили зеленый овес на корм лошадям.

Кутузов зачмокал губами и закачал головой, выслушав это дело.

— В печку... в огонь! И раз навсегда тебе говорю, голубчик, — сказал он, — все эти дела в огонь. Пускай косят хлеба и жгут дрова на здоровье. Я этого не приказываю и не позволяю, но и взыскивать не могу. Без этого нельзя...»

Через несколько дней красноносый капитан Тимохин расскажет Пьеру: «Ведь мы от Свенцяи отступали, не смей хворостины тронуть, или сенца там, или что... В нашем полку под суд двух офицеров отдали за этакое дела. Ну, как светлейший поступил, так насчет этого просто стало. Свет увидали...»

И Барклай, отдавший под суд офицеров «за этакое дела», и царь, отказавший Денисову в помиловании, объективно правы: сено, овес и дрова принадлежат помещикам, их нельзя брать самовольно. Провизия, которую отбил Денисов, кому-то предназначалась — как же он мог ее взять? Но ведь и Берг по существу прав, когда кричит, что нельзя жечь дома, — действительно, нельзя — в мирное время. А на войне — другие законы, и это

знает Кутузов. Его «в печку... в огонь» — справедливо, а царская верность закону оборачивается несправедливостью и жестокостью.

Несколько недель назад «князь Андрей навеки потерял себя в придворном мире, не попросив остаться при особе государя, а попросив позволения служить в армии». Теперь Кутузов предлагает ему остаться в штабе, и князь Андрей снова отказывается.

«Умное, доброе и вместе с тем тонко-насмешливое выражение светилось на пухлом лице Кутузова. Он перебил Болконского:

— Жалею, ты бы мне нужен был; но ты прав, ты прав. Нам не сюда люди нужны. Советчиков всегда много, а людей нет. Не такие бы полки были, если бы все советчики служили там в полках, как ты...»

Для царя, как и для Наполеона, главное — он сам, его неповторимая личность. Отказ служить при его особе делает человека подозрительным: разве может быть дело более важное, чем прислуживание его императорскому величеству! Для Кутузова главное — война, и как ни огорчает его отказ князя Андрея, он признает правоту Болконского.

Умение признать правоту другого — то, чего лишен царь и чем наделен Кутузов.

Но и это еще не все — Кутузов умеет чувствовать за других людей, понимать их. Поэтому он так ласков с Денисовым, хотя не очень вслушивается в его план партизанской войны. Поэтому называет и Денисова, и своего адъютанта, и князя Андрея голубчиками (совсем как маленький капитан Тушин), поэтому так жалеет князя Андрея, потерявшего отца, и находит те единственные слова, какими сейчас можно утешить Болконского: «Я тебя с Аустерлица помню... Помню, помню, с знаменем помню...»

Этой способности понимать других людей начисто лишен у Толстого Наполеон, занятый собой, всегда переполненный собой. Поэтому он терпит поражение, встретясь с проницательным денщиком Ростова (а раньше — Денисова) Лаврушкой.

Хитрый, вечно полупьяный Лаврушка умеет найти выход из любого положения. Позже, попав с Ростовым в Богучарово и увидев бунтующих мужиков, он мгновенно поймет ситуацию:

«— Разговаривать?.. Бунт!.. Разбойники! Изменники! – бессмысленно, не своим голосом завопил Ростов, хватая за ворот Карпа. – Вяжи его, вяжи! – кричал он, хотя некому было вязать его, кроме Лаврушки и Алпатыча.

Лаврушка, однако, подбежал к Карпу и схватил его сзади за руки.

— Прикажете наших из-под горы кликнуть? – крикнул он».

Никаких «наших» под горой не было, и это отлично знал Лаврушка, как и Ростов. Но бунт был подавлен мгновенно, и староста сам снял с себя кушак, «как бы помогая» себя связать.

Перехитрить темных мужиков — не такое уж трудное дело. Но несколькими днями раньше Лаврушка обвел вокруг пальца властелина всей Европы.

Попав в плен к французам, Лаврушка приведен к императору. Наполеон считает, что Лаврушка не знает, с кем он говорит. Лаврушка, между тем, «очень хорошо знал, что это сам Наполеон, и присутствие Наполеона не могло смутить его больше, чем присутствие Ростова или вахмистра с розгами, потому что не было ничего у него, чего бы не мог лишить его ни вахмистр, ни Наполеон».

Лаврушка хитрит, болтает все, что придет на ум, и, наконец, чтобы развеселить Наполеона, заявляет:

«— Знаем, у вас есть Бонапарт, он всех в мире побил, ну да об нас другая статья...

...Переводчик передал эти слова Наполеону без окончания, и Бонапарт улыбнулся».

Переводчик Наполеона поступает совершенно так, как поступил бы на его месте князь Василий: оберегая своего повелителя, переводит только лестную для него часть замечания Лаврушки. И Наполеон остается при убеждении, что даже дикий казак, «дитя Дона», восхищается его победами.

Но и «дитя Дона» ведет себя, как опытный придворный. Услышав сообщение, что перед ним сам Наполеон, Лаврушка «тотчас же притворился изумленным, ошеломленным, выпучил глаза и сделал такое же лицо, которое ему привычно было, когда его водили сечь».

Маневр этот удался вполне: довольный Наполеон отпустил его на волю, и Лаврушка «к вечеру же нашел своего барина Николая Ростова». Так он перехитрил Наполеона, потому что Наполеону и в голову не могло прийти, что простой казак может оказаться умнее его.

А случилось все это потому, что великий полководец Наполеон перестал понимать остальных людей; Лаврушка его понял, а он Лаврушку — не понял.

Эта смешная история имеет более серьезное значение, чем может показаться. Наполеон не понимает людей, с которыми воюет, — может быть, это и определит его грядущее поражение. Кутузов умеет понять и Лаврушку, и Николая Ростова, и князя Болконского, и каждого солдата — этим он и отличается от Наполеона, от Александра I; это и определит его понимание народной войны, которую он возглавил.